

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВО-
И ЭТНОГЕОГРАФИИ
И АРЕАЛЬНОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Тезисы докладов

Москва — 1964

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВО-
И ЭТНОГЕОГРАФИИ
И АРЕАЛЬНОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Тезисы докладов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
Н. И. Т О Л С Т О Й

А. Л. Монгайт

НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

1. Хотя археологическая культура относится к числу основных понятий, с которыми приходится иметь дело археологу в процессе его научной деятельности, до сих пор нет ее исчерпывающего и точного определения. Обычно этот термин употребляют для обозначения общности археологических памятников, относящихся к одному времени, отличающихся местными своеобразными особенностями и сосредоточенных на определенной ограниченной территории. Однако не всегда удается ответить на вопрос, какое историческое явление скрывается за археологической культурой.

2. Часто за тем комплексом признаков, который археологи называют археологической культурой, скрываются одинаковые стадии развития культуры у разных племен и народов или сходные хозяйствственно-культурные типы. Иногда же археологическая культура отражает обособленное существование древних этнических общностей.

Нужно сказать, что начиная с первой четверти XX в., после того, как германские ученые (Коссинна и др.) предложили метод, в основе которого лежало признание того, что определенные народы могут быть опознаны по археологическим культурам, эта тема заняла непомерно много места в исследованиях европейских археологов и стала основой различных националистических гипотез.

3. При осторожном подходе к исследуемым фактам представление об археологической культуре и изучение ее возникновения, распространения и исчезновения позволяет реконструировать историю племен и народов в эпохи,

предшествовавшие возникновению письменных источников. Иногда удается также связать определенную археологическую культуру с известными из письменных источников племенами (например, латенская культура — кельты). Необходимо, однако, помнить, что далеко не всегда сходство элементов материальной культуры отражает этническую общность или общность по происхождению.

В сходных социальных и географических условиях, при наличии примитивной техники, могли возникнуть сходные явления в быту и материальной культуре различных племен независимо (конвергентно). Кроме того, отдельные элементы культуры могут заимствоваться в результате распространения идей или переселения народа, носителя этой культуры.

4. Какие же признаки позволяют выделить археологическую культуру как эквивалент древнего племени или народа? Прежде всего те, которые не связаны непосредственно с производством: орнаменты, формы посуды, обряды погребения. Формы орудий труда чаще всего определяются уровнем развития производительных сил, а формы жилища — географическими условиями и поэтому могут быть сходными у разных племен. Недавно исследователь по мелкой детали обряда погребения смог выделить одно из долго остававшихся нераспознанными древнерусских племен — полян. Картографирование отдельных элементов культуры еще не достаточно для решения вопроса о ее характере. Необходимо выделить «ведущие формы» и сопоставить все полученные в результате картографирования сведения со всеми известными историческими данными.

5. Этническое определение археологических культур было бы облегчено, если бы мы имели карты распространения разговорных языков для той же эпохи, к которой относятся эти культуры. Но для древнейших эпох таких карт нет. Особое доверие при сопоставлении археологических культур с современными народами вызывают письменные источники. Но и их нельзя принимать без критики. Даже современник описываемых им событий Цезарь ошибся, проводя границу между германцами и кельтами по Рейну. Одним из важнейших признаков этнической общности является язык, но выводы о нем не могут быть основаны на археологическом материале, потому что языковые различия, так же как и расовые, не влияют на материальную культуру.

6. Нет оснований для совершенно пессимистического отношения к решению этнических вопросов по археологическим источникам, но нужно помнить об ограниченности наших знаний и возможностей.

M. B. Bimbo

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

1. В области этнографии и расоведения изучение пространственной стороны этнических явлений предполагает постановку трех основных вопросов: о задачах, объектах и технических средствах картографирования.

Что касается задач, ограничимся рассмотрением картографирования этнографического и антропологического материала в целях изучения этнической истории. Такая задача, разумеется, доступна для этнографии и антропологии; приходится повторить ставшее банальным утверждение, что этническая история народа не исчерпывается историей языка, повторить потому, что в языковедческих исследованиях продолжает иногда высказываться мысль, что этногенез не является предметом исследования антрополога, археолога, этнографа.

Картографирование не иллюстративный прием, а один из непременных методов этнологического исследования. В связи с этим особо важным представляется разработка общих вопросов, связанных с источниковедением и систематикой.

2. Этнографию отличает значительное качественное разнообразие объектов картографирования. Такие разнородные группы объектов, как размещение населения (не только его этнический состав, но и плотность, характер расселения, динамика) и народная культура, материальная и духовная, требуют применения различных методов картографического анализа. Особый объект антропологической картографии — расовые особенности человека. Необходимость тщательного критического анализа источников, положенных в основу картографирования, может быть показана на примере очевидных недостатков некоторых современных карт этнического состава и этнокультурных карт.

Для развития этнологической систематики показательно, что попытка картографирования «типов» (к тому же иногда выделенных визуально) предшествовала картографированию отдельных элементов. Между тем критерий типа — его ареал, поэтому строго говоря, этнокультурная типология не предшествует картографированию, а является результатом длительных поисков этноопределяющих и датирующих признаков и установления территории их распространения. К тому же приходится постоянно учитывать возможность хронологической неоднородности исследуемого материала; практически исследователь сталкивается не с типами, а с их состоянием.

3. Технические средства, будучи существенной стороной этнологической картографии, зависят в конечном счете от задач исследования, особенностей материала и источников. К сожалению, в этнокультурной картографии используются однообразные приемы — преимущественно значковый метод и метод ареалов. Между тем так же успешно могут использоваться различные виды картограмм, изолиний, точечный метод и другие приемы. Ограниченнность приемов объясняется часто отрывочными и статистически недостоверными данными. Использование массового, сопоставимого, датированного материала дает широкие технические возможности; это иллюстрируется в докладе на материале крестьянских построек. Типология элементов культуры основана на положении, что чем древнее время возникновения того или иного признака, тем выше его таксономическая ценность.

В этнической антропологии наибольшее распространение получили картограммы и картодиаграммы. Обычным недостатком их является разбивка на несколько условных классов вне зависимости от признака, хотя отдельные признаки варьируют в разной степени. В докладе предлагается попытка картографирования антропологического материала, исходя из межгрупповых средних, причем разбивка на классы основана на величинах среднего квадратического отклонения (иллюстрируется на антропологических материалах по Ирландии).

4. Рассмотренные стороны этнологического картографирования условно можно считать разделом источниковедческого анализа. Наиболее неразработан научный синтез показаний различных дисциплин в области изучения этнической истории. Одну из причин неудач попыток синтеза

можно видеть в спешке чисто механического сопоставления ареалов без предварительной источниковедческой критики. Установление культурной или антропологической близости при разных языковых различиях и наоборот приводило к гиперкритицизму в отношении всяких поисков соответствий. Между тем на примере некоторых элементов культуры можно показать, что для сопоставления с другими дисциплинами в этнографии использовались территориальные комплексы, сложившиеся под определяющим влиянием экономического и географического факторов, так называемые хозяйственно-культурные типы, а также сложные заведомо разновременные комплексы одежды, жилища, орудий труда и пр. Несколько плодотворнее сопоставление отдельных культурных элементов, особенно не связанных непосредственно с географической средой и экономикой и поэтому консервативных, что определяет их этноопределющую ценность. Наиболее продуктивно сопоставление хронологически единовременных локальных комбинаций этнокультурных признаков (систем), между которыми установлена историческая (а не функциональная) корреляция.

Методически целесообразно сравнение картографических данных разных дисциплин на примере поздно заселенных областей, где показания письменных источников дают возможность датировки формирования ареалов (этнографических, антропологических, языковых) и установления их исторической связи.

Е. М. П о с п е л о в

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АТЛАСОВ

1. Распространение картографического метода исследования в различных отраслях знания привело к широкому развитию специального картографирования. Несмотря на большое разнообразие содержания специальных карт (исторических, геологических, климатических и др.), их объединяет то, что все они являются прежде всего картографическими произведениями. Это позволяет говорить о составлении и редактировании специальных карт как о самостоятельном разделе картографии с последующим

выделением отраслевых разделов, а также требует картографического анализа произведений, обслуживающих отдельные науки, в частности — лингвистических карт и атласов.

2. По существующим классификациям специальных карт, лингвистические карты входят в состав этнографического раздела большой группы карт населения, которая вместе с картами экономики, культуры, политико-административного деления и историческими образует совокупность социально-экономических карт. Лингвистические карты в свою очередь делятся на карты аналитические и синтетические. Первые содержат необобщенные сведения, полученные в результате сбора материала непосредственно на местности. Синтетические карты излагают выводы, полученные в результате переработки аналитических карт. Наиболее распространенный во всех странах мира вид произведений лингвистической географии — лингвистические атласы — состоят почти исключительно из аналитических карт.

3. Построение большинства отечественных и зарубежных лингвистических атласов одинаково. Они включают: 1) вводный раздел, содержащий различного рода вспомогательные и обзорные карты; 2) основной раздел, состоящий из собственно диалектологических карт, представляющих собой графическое изложение результатов полевой диалектологической съемки, и 3) комментарии, скомпонованные в атласе или издающиеся отдельным томом.

4. В содержании диалектологических карт отчетливо различаются две составные части: географическая основа и специальная нагрузка. Обе эти части являются «главными» и находятся в теснейшей взаимосвязи. Детальность изображения географической основы определяется применением того или иного способа изображения специальной нагрузки и, наоборот, установление способа изображения лингвистического содержания требует определенной степени детализации основы.

Географическая основа диалектологических карт обычно очень разрежена. Особенностью схематичностью отличаются карты зарубежных лингвистических атласов. Зачастую на них ограничиваются изображением контура картографируемой территории; иногда дополнительно показывают основные реки или несколько крупнейших городов. В советских лингвистических атласах географическая основа

более детальна и содержит обычно все необходимые для ориентирования элементы.

5. Для изображения специальной нагрузки, т. е. собранных в процессе полевой работы лингвистических фактов, применяются три основных способа: текстовой, значковый и способ изоглосс, зачастую используемые в различных сочетаниях.

Текстовой способ, т. е. отображение лингвистического явления путем помещения на карте надписи (обычно в фонетической транскрипции), получил наибольшее распространение в зарубежной лингвистической картографии. Применение этого способа требует много свободного места на карте и поэтому может использоваться лишь на картах с очень разреженной географической основой и с редкой сетью обследованных пунктов.

Значковый способ более экономичен и возможности его применения шире. Это самый распространенный способ изображения в советских лингвистических атласах. Применяется он и в некоторых зарубежных изданиях. В практической реализации способа возможны различные пути: произвольное применение геометрических значков самого разнообразного начертания; установление определенной последовательности в применении ограниченного числа значков и, наконец, употребление на всех картах атласа для передачи некоторых явлений одних и тех же закрепленных за ними условных знаков.

Способ изоглосс получил еще сравнительно ограниченное распространение и применяется главным образом в качестве дополнительного, сочетающегося с текстовым или значковым способами. Изоглоссы, представляя собой результат первичной обработки данных полевого сбора, изображают те же факты, но в несколько более обобщенном виде, чем при применении других способов. Таким образом, карты изоглосс по своему содержанию также относятся к числу карт аналитических.

Вместе с тем представление первичной информации в виде изоглосс — совершенно необходимый этап на пути от карт аналитических к картам синтетическим. Построение пучков и выделение типичных изоглосс позволяют установить территориальное распространение групп говоров и диалектов.

6. Лингвистическим картам в полной мере присущее неотъемлемое свойство любой карты — генерализованность

изображения. Аналитические карты генерализованы в той мере, в какой это обусловлено подробностью вопросника, частотой сетки обследуемых пунктов и отбором информаторов. В пределах же установленной сетки собранный по каждому картографируемому явлению материал изображается на аналитических картах без отбора и обобщения. Но уже первичная обработка материала путем проведения изоглосс требует графического осуществления генерализации путем установления обобщенных контуров явлений. В полной же мере все стороны картографической генерализации: отбор явлений, обобщение их характеристик и ареалов распространения находят применение при составлении синтетических карт.

7. Таким образом, в настоящее время внимание лингвогеографов сосредоточено на полевой диалектологической съемке, издании атласов с материалами сбора и первичной обработке результатов путем составления карт изоглосс. Применяя терминологию из области общегеографического изучения Земли, этот этап лингвогеографического исследования может быть назван лингвистической топографией. Решаемая на этом этапе задача — сбор фактического материала и изображение его в необобщенных показателях с соблюдением точного местоположения — требует сравнительно скромных изобразительных средств.

Но это еще только самое начало географии. Лингвистическая география в полном смысле этого слова начинается там, где возникает необходимость в сопоставлении распространения языковых фактов с географическими, социально-экономического или физико-географического характера. Создаваемые в результате такого исследования синтетические карты не могут быть составлены без применения всего арсенала графических изобразительных средств, имеющихся в распоряжении картографии.

Э. А. Макаев

ВОПРОСЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

1. Усовершенствованная методика реконструкции общеиндоевропейского языка и особенно применение приемов внутренней реконструкции отдельных подсистем различных индоевропейских языков позволяет восстановить

общеиндоевропейское состояние как свободное от наличия существенных диалектных признаков. Тем самым должна быть отброшена возможность приписать общеиндоевропейскому языку наличие ряда диалектных особенностей.

2. Наиболее разумным оказывается описание общеиндоевропейского состояния как своеобразной наддиалектной литературной нормы, предполагающей наличие разновидности в виде разговорного языка. Обе разновидности характеризовались как определенной совокупностью общих конститутивных признаков всех уровней языка, так и определенной совокупностью признаков, характерных лишь для одной из разновидностей: признаков, присущих только литературному языку, и признаков, присущих только разговорному языку. Восстановим оказалось по понятным причинам лишь одна разновидность, именно литературный язык.

3. Принято описывать вычленение отдельных ареалов индоевропейской общности в виде конституирования большего или меньшего количества диалектных изоглосс, при этом понятие изоглоссы применительно к общеиндоевропейскому состоянию и его дальнейшей дезинтеграции не определяется. Оперирование диалектными изоглоссами без разграничения их возможной хронологической и пространственной соотнесенности, являющейся единственным приемом ареальной характеристики индоевропейских языков в компаративистике, отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка, и должно быть отброшено. Вышеописанная процедура должна быть заменена процедурой вычленения микросистем разных уровней языка при строгом соблюдении принципа иерархии как микросистем, так и самих уровней языка. Сопоставление и наложение ряда микросистем различных индоевропейских языков позволит установить наличие/отсутствие определенных континуумов, позволяющих говорить о стабилизации отдельных индоевропейских ареалов.

4. Стабилизация отдельных индоевропейских континуумов происходила как в рамках развертывания исконных общеиндоевропейских элементов, сохранения/эlimинирования различных вариантов разных уровней общеиндоевропейского литературного языка, так и в рамках образования ряда конститутивных общих признаков, возникших в

результате контактирования родственных и неродственных языков, втягивавшихся в различные языковые союзы. Тем самым теория волн оказывается весьма односторонним описанием процесса стабилизации различных индоевропейских континуумов, предполагающим лишь иррадиацию из одного центра с постепенным затуханием и отсутствием резких различий между отдельными континуумами.

5. Членение индоевропейской общности на два ареала — восточный и западный, — утвердившееся в компаративистике, не отвечает строгости лингвистического описания и должно быть отброшено. Общие восточному или западному ареалу конститutивные признаки при ближайшем рассмотрении оказываются или принадлежностью лишь части соответствующего ареала, или оказывается возможным доказать их более позднее возникновение. Тем самым отсутствие глобальных конститутивных особенностей восточного или западного ареалов ставит под сомнение реальность самого членения.

6. Описание индоевропейских диалектов в терминах генетической классификации и генетического родства оказывается явно недостаточным и мало эффективным и оно должно быть дополнено и модифицировано при применении и широком использовании понятия языковых союзов. Индоевропейская диалектология должна строиться как научная дисциплина, посвященная описанию, обоснованию и раскрытию многообразных и мощных языковых контактов.

B. B. Иванов

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ТИПОЛОГИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ДРЕВНИМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ ДИАЛЕКТАМ

1. Более чем полстолетия, отделяющие нас от книги А. Мейе об индоевропейских диалектах, ознаменовались прежде всего изменением представления о том общеиндоевропейском фоне, на котором выделяются инновации, объединяющие отдельные диалекты. Это можно увидеть на примере глагола, где структуру парадигм, противопоставляющих аорист и имперфект, можно признать греко-арийским нововведением.

2. Но до сих пор остается недостаточно разъясненным то, как следует отделять общие инновации, объединяющие

группу диалектов, от однотипных явлений, развившихся независимо в разных диалектах в результате типологически сходного развития одного и того же материала, унаследованного всеми диалектами (этот материал в самом себе может заключать предпосылки для такого развития). В качестве примера можно привести становление падежной парадигмы, совпадающей с точностью до числа падежей в таких языках с древнейшими письменными памятниками, как древнегеттский (18—16 вв. до н. э.) и древнеиндийский. В настоящее время не представляется вероятным предположение об общеиндоевропейском характере такой развернутой парадигмы. Она формировалась по мере развития отдельных диалектов, двигавшихся в сходных направлениях. При этом сходство грамматических структур, получившихся в результате такого параллельного развития, ничего не говорит о наличии диалектных связей.

3. В качестве примера таких далеко идущих типологических сходств можно привести историю форм на *-l* в лидийском языке, где они функционируют в роли, совпадающей с ролью славянских глагольных форм на *-l* типа русских форм прошедшего времени. Исследование истории анатолийских и славянских языков исключает возможность установления непосредственных диалектных связей: речь идет о наличии сходных результатов развития индоевропейских отглагольных имен на **-l-*. Подобные факты убеждают в необходимости более строгой типологической и хронологической проверки тех данных, которыми оперирует индоевропейская лингвистическая география.

**T. M. Судник, B. H. Топоров, C. M. Шур
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЮЖНОЙ ЧАСТИ
БАЛТИЙСКО-СЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА (БСЛЯЗС)**

До последнего времени типологическое исследование языков и изучение языков методами ареальной лингвистики велись изолированно друг от друга. По этой причине зависимость типологических характеристик языков от их

положения в пространстве остается в значительной степени неясной; этим, в частности, можно объяснить малочисленность попыток типологического исследования близкородственных языков, занимающих нередко смежные территории (ср. славянские языки), или тех языков, которые независимо от степени их родства, объединяются в некоторые единства по территориальному признаку (исключая случаи ярковыраженных языковых союзов, ср. балканские языки).

Одним из наиболее удобных объектов для выяснения названной выше зависимости являются ситуации, когда на некоторой территории наблюдается более значительная по сравнению со смежными территориями концентрация типологически близких черт (при условии, что речь идет более чем об одном языке). С другой стороны, интерес к подобным лингвогеографическим ситуациям вызван необходимостью включения языковых образований разной степени гетерогенности в рамки общей типологии и выработки специальных приемов их описания. Естественно, что такие ситуации возникают прежде всего в условиях интенсивных языковых контактов, в результате которых могут оформиться языковые союзы.

С этой точки зрения обращает на себя внимание языковая ситуация на территории литовско-белорусского пограничья, существенно отличающаяся от более однородной ситуации на смежных территориях. Специфика указанного района заключается в мозаичности расположения диалектов разных языков, в двух- и трехъязычии населения, в выработке целого ряда общих языковых элементов в результате симбиоза, в реализации в языковой практике говорящих некоторых правил соответствий между элементами взаимодействующих языков, в особой социальной организации многоязычия на этой территории. Наличие многочисленных общих черт наблюдается и в организации таких надъязыковых систем, как фольклор, опирающийся, в частности, и на языковый материал, а также в целом ряде других знаковых систем и в разных формах проявления материальной культуры. В свете сказанного целесообразно говорить об особом культурно-языковом комплексе, сложившемся на этой территории в результате совокупного действия ряда исторических (в широком смысле слова) факторов; ср. этнолингвистическую предысторию этого района, когда он характеризовался большей однородностью

(наличие континуума балтийских диалектов), постепенность в распространении славянского элемента, общие судьбы в процессе развития и т. п.

О лингвистической характеристике БСЛЯзС в подробностях пока говорить трудно. Несомненно большее или меньшее единство этой территории в лингвистическом отношении. Об этом свидетельствуют как особенности диалектов БСЛЯзС, так и очевидное тяготение соседнего диалектного пояса к общему лингвистическому типу БСЛЯзС, возрастающее по мере приближения к зоне БСЛЯзС.

Может быть, с наибольшей очевидностью типологическая близость диалектов литовско-белорусского пограничья обнаруживается в фонологии, что правомерно связывать с преимущественно устной формой контактов в рассматриваемой диалектной области.

В этом отношении показательно уже сходство, а иногда и полное совпадение звукового фона литовской и славянской речи в указанном районе. Чтобы ограничить интересующую нас южную зону БСЛЯзС (в терминах диалектологических классификаций речь идет о дзукских литовских диалектах, юго-западных и отчасти среднебелорусских, периферийной площади Виленщины), достаточно указать хотя бы следующие общие фонетические характеристики: непалatalный характер *č* и шипящих, дентальное образование *s', z', c', z'*, ассимиляция *t, d + (v)i, ie*, звуки *y, ы, ε*, одинаковая манифестация некоторых просодических единиц, приходящихся на слово, синтагму, фразу.

Типологическое выравнивание фонологических систем диалектов БСЛЯзС выражается прежде всего в едином по существу наборе различительных признаков, в некоторых общих правилах парадигматического комбинирования их и, следовательно, в создании более или менее единого инвентаря фонем. Естественно, что в первую очередь правила парадигматического комбинирования касаются ограничений:

- 1) $\neg$ Voc⁺, Comp⁺, Gr (ср. лит. *apušē*, *trāc'as*, *m'āž'as*);
- 2) $\neg$ Voc⁺, N (ср. польск. *monš*, *żęnsy*);
- 3) $\neg$ St, Sh (ср. лит. *gražāsn'is*, *šašy*, *gaidžo*, *sv'āčas*);
- 4) $\neg$ (Voc⁻, Cons⁻, Cont⁻, Sh (ср. лит. *rýžko*, *rāik'a*).

Устанавливаются также унифицированные правила синтагматических сочетаний, ср., например, оформление начала слова ($\neg \#$ Voc⁺): лит. *hartójas*, *háit(i)*, *hanas*, *hùpē*

(*vùpē*), бел. *haknō* (*vaknō*), *hóka* (*vóka*), *hús'i* (*vus'i*) и др. Примечательной чертой диалектной фонологии, особенно заметной в зоне контактов, является устойчивость, компактность основных консонантных единиц при обычной диффузности вокалических единиц, проявляющейся либо в более или менее выраженной тенденции к фонетически усредненному, смазанному типу, составляющему лишь необходимый вокалический фон для компактной консонантной схемы слова (как в диалектах БСЛЯзС), либо, наоборот, в бесконечном и свободном варьировании гласных по фонетической шкале (как, например, в диалектах Западного Полесья).

В области морфологии заслуживают внимания прежде всего факты двух родов: во-первых, создание ряда креолизированных форм (ср. лит. *piovėla* 'резал', где литовская форма претерита дублируется славянским показателем прошедшего времени); во-вторых, стремление к известному материальному сближению некоторых морфологических показателей, характеризующих отдельные парадигмы (ср., например, появления флексий *-i* в Dat. sg. o-основ или в Acc. sg. ā-основ, *-i* в словах с основой на *-o* при предлогах, *-it* в Instr. sg. o-основ и т. д. в литовских говорах этой территории; ср. соответствующие флексии славянских парадигм). Показательно, что план содержания оказывается более устойчивым для диалектов, входящих в БСЛЯзС, и сближение начинается, видимо, с аккомодации формальных средств, принадлежащих плану выражения, и лишь вторично отражается на модификации системы грамматических категорий (ср. дополнительные изменения в видовой системе литовских говоров этого района в связи с распространением славянских глагольных приставок *raz-*, *da-* и др.). К фактам морфологической интерференции, характерным для БСЛЯзС, следует также отнести перераспределение внутренних средств взаимодействующих систем, ориентированное на выработку фрагментов общего языка, так что предпочитаются каждый раз те из возможностей, которые в структурном или материальном отношении допускают отождествление с единицами других диалектов.

Определяя характер диалектной интерференции в области синтаксиса, правильнее всего, видимо, исходить из того, что синтаксическая система самым непосредственным образом связана с содержанием коммуникации и по-

тому активнее подчинена процессам выравнивания в ситуациях неоднородного в языковом отношении общения. Реальность общего синтаксиса в условиях БСЛЯзС тем более мотивирована, что синтаксические структуры литовского, белорусского и польского языков являются значительное типологическое сходство, что они характеризуются большой степенью вариативности и подвижности, и, кроме того, стабильность и ограниченность ситуаций разноязычного общения предопределяют весьма редуцированный и элементарный набор используемых синтаксических конструкций.

В области лексики, особенно проницаемой для иностранных элементов, признаком языкового союза является тенденция к общему словарю, выраженная в большей или меньшей степени в зависимости от глубины и развитости двуязычной (или многоязычной) традиции. В целом для БСЛЯзС характерен относительно высокий показатель лексических заимствований и интенсивный процесс перераспределения лексем в общем семантическом пространстве; в особых условиях (ср., например, Гервяты, где предельно развито двуязычие) общий словарь по существу расширяется до размеров целого языка, в данном случае белорусского, который потенциально усваивается любым носителем небелорусского языка, а реально функционирует как средство междиалектного общения в определенных, наиболее типичных, хотя и ограниченных ситуациях. Для лексической интерференции в условиях БСЛЯзС вообще типично нивелирование литовского элемента в пользу славянского (как правило, белорусского).

Словообразовательные процессы, сопровождающие лексическую адаптацию, подчиняются общей тенденции к интеграции и проявляют ее в обобщении словообразовательных средств (опять-таки по славянскому образцу), а также в весьма продуктивной операции калькирования.

По всей вероятности, привлечение нового материала должно лишь подтвердить высказанное здесь. Для точной и полной лингвистической характеристики южной зоны БСЛЯзС прежде всего необходимо фронтальное полевое исследование диалектов литовско-белорусского пограничья. Практически речь идет о ряде островных литовских диалектов на территории Белоруссии и сплошном белорусско-польском диалектном массиве в Юго-Восточной Литве

(Виленщина). Каждый из относящихся сюда диалектов должен получить по возможности полное описание (учитывающее все уровни), при этом программа обследования должна предусматривать интерпретацию первичных (относящихся к родному языку) и вторичных (относящихся к общему междиалектному языку и выработанных в практике разноязычного общения) диалектных фактов. Исходным могло бы послужить фонологическое описание системы отдельных говоров БСЛЯЭС, дающее представление об инвентаре фонем, их парадигматической идентификации, об основных типах дистрибуционных ограничений (как минимум дистрибуция начала и конца слова) или то же — в терминах различительных признаков.

Морфологическая программа обследования должна предусматривать выявление основных категорий плана содержания, описание структуры парадигм, учитывающее соотношение плана выражения с планом содержания, например, в терминах нейтрализации граммем.

В области синтаксиса трудно опереться на накопленный диалектологией опыт, поскольку диалектологические исследования разного типа обычно фиксируют лишь отдельные, изолированные синтаксические факты. Принимая во внимание, что исчерпывающее синтаксическое описание составляет чрезвычайно сложную и не сразу осуществимую задачу, следует, видимо, формулируя программу, ориентироваться в первую очередь на те фрагменты синтаксиса, которые наиболее подвержены адаптации и становятся достоянием общего, междиалектного языка, причем за пределами этого общего языка остаются богатые, развитые синтаксические структуры, сохраняющие свою специфичность в каждом из интерферирующих диалектов.

Очевидно, что в области лексики полное описание тем более не является ближайшей задачей, даже составление словаря не означало бы ее окончательного разрешения. Разумно поэтому ограничиться некоторыми замкнутыми сферами лексики, причем, как кажется, наибольших результатов с точки зрения проблемы языкового союза можно достичь, обращаясь не к номенклатурной или терминологической лексике, а к абстрактной.

Для экономного представления фактов словообразования можно предложить построение максимальной словообразовательной модели, по отношению к которой были бы

описаны словообразовательные типы отдельных диалектов и междиалектного языка.

Наконец, должно быть по возможности предусмотрено описание неязыковых семиотических систем, включающих-ся в общий культурно-языковой комплекс, хотя бы в основных моментах их взаимодействия.

Намеченные здесь ареально-типологические исследования в результате могут оказаться полезными для разрешения диахронических и, возможно, генетических проблем, касающихся данной языковой области.

Заслуживают специального внимания формы изложения результата тов такого рода работы. Очевидно, что здесь самостоятельную проблему составляют методы картографирования материала, которые должны соответствовать типологическому аспекту исследования как в отношении выбора релевантных характеристик языкового союза, так и в формулировании их.

O. С. Широков

**ПРИНЦИПЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ
ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ
(ДЛЯ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

1. Картографирование фонологических явлений возможно лишь в том случае, если распространенные на изучаемой территории фонологические системы имеют много общих элементов, а распространение некоторых элементов по-разному территориально ограничено. Балканские языки удовлетворяют этому требованию. Само собою разумеется, что предварительное описание этих фонологических систем должно проводиться по одинаковым принципам в терминах априорно заданной единой метасхемы.

2. В качестве такой метасхемы для описания балканских фонематических систем может служить многомерное фонематическое пространство, параметрами которого являются следующие абстрактные дифференторы: 1 — напряженность (глухость); 2 — периферийность (губная или заднеязычная артикуляция); 3 — глубина (постальвеолярная, нёбная или гортанская артикуляция); 4 — смычность; 5 — носовость; 6 — мягкость (палатальность или пала-

тализованность); 7 — круглощелинность; 8 — латеральность.

3. Те пересечения дифференторов, которые по заранее заданным правилам можно поставить в однозначное соответствие с конкретными звукотипами балканских языков, будем называть балканскими фонемами. Если в конкретном балканском языке два звукотипа находятся в состоянии дополнительного распределения и поставлены на метасхеме в соответствие с двумя соседними пересечениями дифференторов, то такие два пересечения объединяются вместе и будут называться архифонемой.

4. Таким образом конструируются фонематические схемы конкретных балканских языков и наречий. Далее строится схема фонем и архифонем всех балканских языков (сумма конкретных схем) и схема фонем и архифонем, имеющихся в любом балканском языке (произведение конкретных схем).

5. Если сумма конкретных схем имеет на двух соседних пересечениях фонемы, не встречающиеся одновременно ни в одном балканском языке, мы также объединяем эти пересечения, называя их суммарной архифонемой. Так, например, среднеязычные смычные согласные, имеющиеся в сербско-хорватском, албанском (ставятся в соответствие с пересечениями 1346 и 346), и мягкие заднеязычные, имеющиеся в македонском, румынском (ставятся в соответствие с пересечениями 12346 и 2346), не противопоставляются ни в одном балканском языке и поэтому объединяются нами в две суммарные архифонемы ($12346 + 1346$ и $2346 + 346$).

6. При параметризации балканского консонантизма самым сложным является вопрос о мягких согласных. Манифестантами самостоятельных фонем следует считать средне- и заднеязычные. Для албанского, греческого, сербско-хорватского, македонского, болгарского языков смягчение зубных и губных согласных удобнее считать позиционным (учитывая это при параметризации вокализма).

7. Поскольку в румынском, арумынском, мегленитском языках, а также в некоторых северногреческих наречиях [i] на конце слова не может встречаться, а палатализация согласных на конце несет морфологическую функцию (т. е. является самостоятельной морффонемой: рум. *lup* ‘волк’ — мн. *lup'*, сев. гр. *áθrups* ‘человек’ — мн. *aθgóρ'*), то мы можем конечные мягкие согласные в этих языках опи-

сывать как бифонемные сочетания. Такая параметризация является наиболее экономной и имеет лучшую объясняющую силу.

8. В балканских языках часто слогоное [i] в положении перед гласными может факультативно чередоваться с неслогоным, заменяться на [j] или на палатализацию предшествующего согласного (ср. алб. *miałtə* — *m'iałtə* — *m'ałtə* — ‘мед’). Во всех этих случаях мы будем говорить об архифонеме [i + j], манифестируемой в определенных случаях палатализацией предшествующего согласного.

9. Построенные на таких основаниях фонематические схемы балканских языков будут отличаться друг от друга лишь немногими звенями (непустыми пересечениями дифференторов). Но именно эти звенья (фонемы и архифонемы, входящие в сумму схем, но не входящие в произведение схем) подлежат картографированию. То есть на картах балканских фонологических изоглосс, таким образом, должно быть указано распространение таких, например, согласных фонем как 1347 [č], 347 [dž], 137 [š], 37 [ž], 01 [θ], 00 [δ], 13 [ѓ].

10. Картографируется также наличие или отсутствие фонологических противопоставлений в определенных позициях, ср., например, возможность противопоставления [k] : [k'] перед [e], [i], [ɛ] в албанском или македонском и отсутствие подобного противопоставления в болгарском или румынском языках.

T. B. Чевъян

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Построение лингвистического атласа балканского языкового союза (БЯС), т. е. атласа не отдельных балканских языков, а некоторого языкового сообщества, объединенного по территориальному признаку и отличающегося существенными типологическими схождениями, предполагает сочетание типологического и ареального методов исследования. К настоящему времени создана более или менее общая схема типологических схождений БЯС; однако столь же важно рассмотрение структуры БЯС в лингвогеографи-

ческом плане для выяснения взаимодействия каждого соседних или близко расположенных языков и диалектов. Наиболее эффективно такое описание осуществляется в форме атласа. В дальнейшем на основании результатов исследования возможно будет провести расположение языков — членов БЯС в признаковом пространстве.

Далее излагаются некоторые предварительные замечания по построению такого рода атласа. В качестве основного принципа, определяющего структуру атласа, предлагается использовать гипотезу о роли коммуникации в оформлении БЯС. Эта гипотеза предполагает существование на подсознательном уровне стремления к выработке однотипных легко распознаваемых конструкций, облегчающих общение в условиях характерного для балканской языковой ситуации предварительного или неполного понимания. Такое общение реализуется главным образом на уровне диалектов. Поэтому в идеальном варианте система БЯС должна быть описана именно на основе диалектного материала. В настоящее время это практически невозможно, так как в распоряжении исследователя находятся лишь достаточно разрозненные сведения. В связи с этим создание лингвистического атласа БЯС приобретает особое значение, так как именно он сможет обеспечить корректное исследование структуры БЯС.

Территория БЯС отличается большим лингвистическим разнообразием; следует принять во внимание и чрезвычайно пестрое, часто островное расположение балканских языков и диалектов. Достаточно многочисленны ситуации, при которых в общение вступают носители разных балканских языков. Язык-посредник в каждом конкретном случае выбирается в зависимости от условий общения (характера ситуации) и набора определенных признаков, отличающих участников общения (пол, возраст, вероисповедание и т. д.). Кажется существенным проведение возможно более полного, подробного и точного установления би- и полилингвистических контактов на Балканах, так как в дальнейшем это может пролить свет на механизм действия некоторых балканистических процессов. В результате этот (первый) раздел атласа содержал бы не только сведения о степени лингвистического разнообразия (количество языков и степень владения ими) и о принципе выбора метаязыка, но и представлял бы единственную в своем роде диалектологическую карту БЯС.

Признание первостепенного значения непосредственного общения для выяснения структуры БЯС обязывает исходить из выяснения того, как реализуется план содержания в формальных схемах. Естественно предположить, что говорящий имеет дело прежде всего не с отдельными словоформами, а с синтаксическим уровнем, где и появляются конструкции, которые надо распознать и синтезировать; в дальнейшем они проецируются на морфологический уровень, вызывая соответствующие изменения. Предполагается, что для обеспечения понимания нужно обладать определенным лексическим минимумом и знанием некоторых простейших конструкций, соответствующих универсальным логико-синтаксическим категориям речи (субъект, предикат, прямой и косвенный объект, атрибут, adv). Определение способов выражения упомянутых логико-синтаксических единиц на синтаксическом уровне и проекции их на морфологический уровень, проведенное на материале разных балканских языков и диалектов, должно привести в итоге к установлению грамматической структуры БЯС. Вопросник по этому разделу предусматривает анализ и синтез простых конструкций, статистически наиболее часто встречающихся при общении (ситуации общения устанавливаются в разделе о полилингвистических контактах БЯС). Перевод информантом с родного языка и на родной язык некоторых фраз или отдельных синтагм, составленных таким образом, чтобы по ним в дальнейшем можно было бы установить основные черты грамматической системы БЯС, даст возможность комплексного исследования морфологического и синтаксического уровней БЯС. Первым этапом является сопоставление, проводимое на материале простого предложения, состоящего из 4—6 слов, общая схема которого имеет следующий вид:

Subj.—(Atr.)—Praed.—Obj. dir.—(Atr.)—Obj. obl.—Adv.

Эта схема представляет собой типичный образец разговорной речи. Некоторое комбинирование ее элементов дает возможность составления ряда конструкций, анализ и синтез которых является существенным для понимания грамматической структуры БЯС. Далее приводятся образцы такого рода конструкций и наиболее общие (сводные) способы их перевода на языки БЯС, т. е. дается запись одновременно анализа и синтеза (проверенная на материале литературных балканских языков и некоторых их диалек-

тов). Преимущественное внимание уделяется выражению логико-синтаксических единиц именем существительным (в основу положено существование двух видов именной системы БЯС: беспадежной и двухпадежной, с противопоставлением прямого и косвенного падежа, причем последний нейтрализует в себе значение D. и G.).

1. Subj. & Praed. & Obj. dir. → S. dir. + V. + S. dir. ∨ S. dir. + S. dir. + V. ∨ V. + S. dir. + S. dir. ∨ S. dir. + Pron. dir. + V. + S. dir. ∨ S. dir. + V. + (praep. + S. dir.);

2. Subj. & Praed. & Obj. obl. → S. dir. + V. + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.) ∨ S. dir. + Pron. obl. + V. + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.) ∨ S. dir. + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.) + V. ∨ (S. obl. ∨ praep. + S. dir.) + S. dir. + V. ∨ V. + S. dir. + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.) ∨ V. + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.) + S. dir.;

3. Subj. & Praed. & Adv. → S. dir. + V. + (S. dir. ∨ √ praep. + S. dir.) ∨ (S. dir. ∨ praep. + S. dir.) + V. + S. dir. ∨ (S. dir. ∨ praep. + S. dir.) + S. dir. + V. ∨ V. + S. dir. + (S. dir. ∨ praep. + S. dir.);

4. Subj. + Praed. + Obj. dir. + Atr. ^{obj.} _{dir.} + Atr. ^{obj.} _{dir.} Atr. → S. dir. + Pron. dir. + V. + S. dir. + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.) + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.);

5. Subj. + Praed. + Obj. dir. + Obj. obl. + Atr. ^{obj.} _{dir.} + Atr. ^{obj.} _{dir.} + S. dir. + Pron. obl. + Pron. dir. + V. + S. dir. + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.) + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.);

6. Subj. + Praed. + Obj. dir. + Atr. ^{obj.} _{dir.} + Obj. obl. → S. dir. + Pron. obl. + Pron. dir. + V. + S. dir. + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.) + (S. obl. ∨ praep. + S. dir.).

Эти конструкции демонстрируют омонимию в выражении логико-синтаксических единиц, объясняемую скучностью формальных средств, которыми обладают балканские языки (например, три разных по содержанию фразы — 4-я, 5-я, 6-я — выражаются одним способом, ср. болгарское *давам книгата на учителя на моя син — даю книгу учителя моего сына* или *даю книгу учителю моего сына*, или *даю книгу учителя моему сыну*). Существенно то, что при достаточной разнице строения отдельных языков их типологические схождения так велики, что позволяют использовать одинаковые приемы по крайней мере в пределе-

лах простого предложения. Соответствующие конструкции выделяются и для изучения способов выражения логико-сintаксических единиц с помощью других частей речи (глагола, местоимения, прилагательного и т. д.) в простом и сложном предложении.

Что же касается исследования структуры БЯС на других уровнях, то, например, для фонологического вопроса может быть решен достаточно просто, во всяком случае, с точки зрения метода, благодаря существованию достаточно разработанных способов фонологического описания. Здесь речь может идти скорее о сборе фактического материала. Определенные сложности возникают в отношении лексического уровня. Может быть, его целесообразно рассматривать в несколько ином аспекте, «общекультурном», объединяя его с семантическим, т. е. включая в систему общих духовных ценностей балканского сообщества.

B. A. Никонов

ГЕОФОНЕТИКА

I

1. Возникнув в русле сравнительно-исторического языкознания, лингвистическая география унаследовала не только его сильнейшие качества, но и его ограниченность: при филигранной отточенности анализа, особенно в исторической фонетике и грамматике, она часто оставалась замкнутой в границах отдельного языка, превратясь в разновидность диалектологии, а порой лишь в картографическую иллюстрацию к ней. Наиболее отчетливо это сказалось на лингвистических атласах, хорошо зафиксировавших территориальные различия, если они ограничены пределами одного языка, и только теперь начинающих замечать различия, ведущие через границы между родственными языками, но почти не пытающихся выйти за эти рамки в силу запрета, налагавшегося сравнительно-историческим языкознанием.

2. Лингвистическая (в частности — фонетическая) география — один из аспектов общего языкознания, исследующий пространственное размещение языковых явлений и их пространственное соотношение. Выяснение пространственных различий внутри одного языка (территориальные

диалекты) — только малая и не главная часть лингвистической географии. Из ее разделов давно привлекла внимание междуязыковая география слов, теперь попадает в поле зрения география грамматических явлений, но почти не начато создание фонетической карты мира.

3. Ограничение лингвистической географии пределами родства закрывало важнейшие явления, а замеченные мешало осмыслить правильно, рассматривая их вне пространства. Геофонетика позволяет обнаружить пространственную обусловленность многих больших и малых лингвистических явлений, усользивших от наблюдения, а многие известные факты переосмыслить в свете пространственных отношений; она очертил междуязыковые ареалы, для каждого языкового явления определит полюсы максимума и минимума с переходными ступенями между ними, систематически, а не как исключения, выявит черты, пересекающие границы языков или языковых семей. Выступят и мощные массивы, охватывающие различные лингвистические семьи.

4. Современные методы языкознания вооружают нас необходимыми средствами для такого изучения языка, позволяя шире, тоньше и объективней сопоставлять языки независимо от их родства. Сегодня физические инструменты с высокой точностью регистрируют звуки речи (акустически и артикуляционно), давая надежную базу для различия и описания звуков языка. Статистика вскрывает и измеряет сходства и различия всей фонетической массы всех языков, фиксируя не только абсолютное отсутствие или наличие, но и частотность употребления единицы, которая для характеристики языков существенней, чем констатация «есть — нет», отражающая только самый поверхностный частный случай частотных различий. Геофонетика невозможна без обоих этих средств (субъективные интересы объясняют, что доклад сосредоточен только на статистическом пути). Развитие этих средств языкознания ведет к решению задач, неразрешимых на прежних путях, и ставит новые задачи, ранее даже не возникавшие.

II

Доклад содержит только немногие (по возможности, различные) из наблюдений:

1. По количественному соотношению гласных и согласных все языки мира расположены между максимально во-

кальными полинезийскими в Океании и максимально консонантными германскими и угорскими на севере Европы.

2. Пространственно четка география лабиальных согласных. Их максимум — в языках экваториальной полосы. Их минимум, названный в работах докладчика азиатской депрессией губных, охватывает зону от Тихого океана до Средиземного моря (туркские языки, тибето-китайские, кетский и др.).

3. Сложный лабиальный звук *mb* распространен в экваториальной полосе, охватывая тропическую Африку от Атлантического побережья до Индийского океана, Цейлон и юг Индии, островной «мост» между Азией и Австралией, ближайшие архипелаги Океании.

4. Показательна и совершенно неисследована география славянского вокализма. На крайнем западе славянского мира (в словенском и чешском) решительно преобладает группа *e*, а на востоке группа *a*.

5. Гласный звук *y* отсутствует в романских языках за исключением румынского, входящего в обширную зону сплошного распространения *y* (от Балкан на западе до Гренландии на востоке, включая огромные пространства Евразии и север западного полушария).

III

1. Статистика позволяет подойти к измерению междуязыковых расстояний и их оценке. Подобно «лингвистическому времени» как исследовательской схеме без соотнесения с «земным временем» общей хронологии, возможно лингвистическое пространство, строимое логически, как рабочая гипотеза без скороспелого нанесения на географическую карту (таковы, например, некоторые схемы распадения индоевропейской общности). Однако никакое решение нельзя считать окончательным до нанесения на карту.

2. Именно соотношение лингвистических и территориальных расстояний, их соответствие и несоответствие дают современной фонетической карте глубину исторической перспективы, раскрывают синхронную лингвистическую географию как «проекцию времени на плоскость карты». Территориальная монолитность геофонетических массивов и последовательное изменение частотности исключают случайность совпадения. РАЗОРВАННЫЙ ареал (например, мировая карта велярного носового сонора-

ного *нг*) — след или размытого некогда единства, или по меньшей мере очень древней миграции.

3. Интерпретация данных синхронной геофонетики не проще, чем данных, добытых привычными методами. Синхронная карта или таблица смешивает в одной плоскости результаты самых разнообразных процессов различной направленности и разновременной глубины. Сходство или различие могло образоваться либо типологически (без каких-либо связей), либо генетически (в процессе расхождения родственных языков) или контактно (схождение языков). Геофонетике предстоит найти способы различать, какие из этих процессов сложили исследуемое явление. А это станет началом исторической геофонетики.

4. Не территория сама по себе обусловила языковые различия или сходства. Позитивизм, развиваясь во всех отраслях науки, проникал и в языкознание, принимая различные формы. Ср., например, мнение А. Х. Востокова о том, что восточнославянское полногласие обусловлено бескрайностью русской равнины, «метеорологическую теорию» П. Н. Савицкого, ныне поддержанную В. Р. Кипарским, пытающуюся связать границы русских диалектов с изотермами, или антропологическую концепцию ван-Гинекена, выводившего фонетические частотности из биологических свойств (максимум лабиальных в языках банту — результат гипертрофии губного аппарата, максимум гортанных в языках горцев — следствие развития гортани в горных условиях). Если игнорирование пространства представляет в конечном счете преломление идеалистических взглядов, то подобный наивный лжематериализм упрощенно огрубляет проблему языка и пространства, игнорируя их сложную, многоступенчатую связь; вопреки этим объяснениям, географическое пространство отражается в языке не непосредственно, а всегда лишь через историю общества.

С. Б. Бернштейн

КАРПАТСКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС

1. Изучение славянских языков в аспекте задач лингвистической географии представляется в настоящее время чрезвычайно актуальным. Дальнейшая успешная разра-

ботка проблем исторической диалектологии славянских языков, сравнительной грамматики славянских языков, истории праславянского языка и праславянских диалектов невозможна без тех данных, которые дают в руки исследователя диалектологические атласы. Диалектологические атласы могут быть различного характера. Это прежде всего атласы отдельных славянских языков (например, атлас русских говоров или атлас польских говоров). В 1958 г. на 4-м международном съезде славистов в Москве было решено начать работу над общеславянским диалектологическим атласом. Возможны региональные диалектологические атласы (ср., например, атлас закарпатских говоров украинского языка И. А. Дзендулевского или атлас болгарских говоров в СССР). Объектом лингвистического картографирования может быть «языковый союз». По мере развития славянской лингвистической географии будут возникать все новые и новые формы лингвогеографических исследований.

2. Уже давно специалисты по славянской диалектологии интересуются изучением различных смешанных и переходных говоров и диалектов, отражающих разнообразные и сложные влияния родственных и неродственных языков. Можно указать, например, на зону болгаро-сербских диалектов или на переходные чешско-польские диалекты, изучение которых составляет важные страницы в истории славянской диалектологии. Изучение смешанных и переходных говоров методами и приемами старой диалектологии давало широкий простор произволу, так как диалектолог имел возможность фиксировать свое внимание на тех отдельных языковых особенностях, которые он считал по различным причинам наиболее важными и существенными. Вот почему одни и те же диалекты могли служить базой совершенно различных теорий и взглядов. Именно поэтому до сих пор не решен, например, вопрос о генезисе переходных болгаро-сербских говоров, несмотря на наличие капитальных трудов А. Белича, О. Броха, Ц. Тодорова и других языковедов. Многим смешанным и переходным говорам славянских языков целесообразно посвятить специальные диалектологические атласы, работа над которыми должна вестись совместно диалектологами соответствующих стран.

3. Лингвогеографические исследования могут дать очень много важных и новых фактов в тех случаях, когда

объектом изучения являются районы, где в течение длительного времени происходили сложные и разнообразные этногенетические процессы, в которых участвовали многие родственные и неродственные племена и народы. Внимание слависта останавливают диалекты карпатского ареала, где было пережито много общих этнических и языковых процессов отдельными восточнославянскими, западнославянскими и южнославянскими племенами.

4. Уже давно слависты обратили внимание на наличие в некоторых юго-западных украинских говорах ряда так называемых южнославянизмов. Было предпринято несколько небольших исследований, которые, однако, не дали существенных результатов. Критики этих исследований показали, что многие так называемые южнославянизмы имеются в говорах ряда западнославянских языков, во многих украинских говорах не только юго-западного района. Изучение южнославянизмов велось в отрыве от данных румынской и венгерской диалектологии, исследователи не знали хронологию изучаемых ими явлений. Дальнейшее знакомство с языками и диалектами карпатского ареала показало, что речь идет не об отдельных заимствованиях из южнославянских языков в юго-западных украинских говорах, а о наличии определенных общих черт в языках и диалектах карпатского ареала. Эти общие черты представлены наиболее полно в словаре (лексика и семантика) и в словообразовании. Выяснение и изучение этих черт возможно прежде всего методами лингвистического картографирования. В связи с этим был поставлен вопрос о необходимости создания Карпатского диалектологического атласа (КДА). Решение о начале работы над ним было принято на первом всесоюзном совещании славистов по актуальным проблемам славяноведения (Москва, январь 1961 г.). В этой работе принимают участие языковеды Института славяноведения АН СССР, Института общественных наук АН УССР, Московского, Львовского и Ужгородского университетов. На совещании в Ужгороде летом 1962 г. были рассмотрены и дополнены проекты вопросника по сбору материала для атласа и установлена территория обследования украинских говоров. Летом 1963 и 1964 гг. были проведены экспедиции по изучению прикарпатских говоров. Сбор материала по закарпатским говорам будет осуществлен кафедрой украинского языка Ужгородского университета.

5. Анализ собранного материала показывает, что юго-западные украинские говоры содержат ряд особенностей, которые объединяют их с гуральскими говорами польского языка, со словацкими говорами Малых и Белых Карпат, с говорами моравских валахов, с рядом болгарских и сербо-хорватских говоров, с говорами румынского и венгерского языков. Среди этих общих особенностей имеются исконно славянские, но наряду с ними встречаются и многие заимствования из языков дославянского населения Карпат, из румынского языка, из языка балканских переселенцев. Среди общих языковых особенностей мы различаем карпатизмы и балканализмы. В генезисе этих карпатизмов и балканализмов большая роль принадлежит румынскому языку. Собранный материал содержит ряд важных данных для истории всех языков карпатского ареала, для южнославянских языков, которые в прошлом были тесно связаны с этими языками. Нет сомнения, что данными КДА смогут воспользоваться историки неславянских языков (прежде всего историки румынского языка).

B. B. M a r t y n o v

**ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА
И ЛИНГРОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ПРИПЯТСКОГО ЦОЛЕСЬЯ**

1. Для того чтобы определить место лингвистики среди других наук, занимающихся вопросами этногенеза, необходимо сформулировать с достаточной строгостью ее задачи и методы применительно к данной области. Полный охват этногенетической проблематики предполагает широкое сотрудничество археологов, антропологов, этнографов и лингвистов, однако каждая из этих наук имеет свои,ственные только ей, задачи и методы. Именно эта их относительная самостоятельность создает основу для полезного сотрудничества и взаимной корректировки полученных результатов.

Центральной задачей лингвистики в области этногенеза является установление серии пространственно-временных характеристик исторически известной нам этнической группы. Иными словами, для этнической группы, существую-

вание которой может быть подтверждено прямыми историческими свидетельствами, ретроспективно определяется доистория в виде временной последовательности локализаций по отношению к географическим ареалам и другим этническим группам.

Подобная постановка задачи определяется не столько соображениями общетеоретического характера, сколько теми возможностями, которыми располагает лингвистика. В этом нетрудно убедиться, если мы обратимся к рассмотрению современных лингвистических средств решения этногонических задач: а) фонологических, б) семантических, б) топонимических.

2. Наиболее продвинутой областью структурной лингвистики является, как известно, фонология. Картографирование фонологических систем и их фрагментов практически реализуемо уже сейчас.

Что может дать для решения этногонических задач такого рода картографирование?

Фонологическая система языка перестраивается под влиянием иноязычного субстрата, на который наслойлся данный язык в результате миграции его носителей. Чем дальше фонологическая система иноязычного субстрата от фонологической системы наслойвшегося языка, тем большую перестройку последней мы вправе ожидать. Поэтому вполне естественно предположение о максимальной близости фонологических характеристик праязыка и диалекта, носители которого остались на территории прародины.

Такой способ решения этногонической проблематики по своей логической природе адекватен археологическому. В самом деле, археологи устанавливают принадлежность исторически засвидетельствованной этнической группы к древней археологической культуре в том случае, если можно доказать, что этническая группа оставалась на территории непрерывной преемственности археологических культур, т. е. никуда не мигрировала. Наглядную аналогию к этому представляет собой фонологическое обоснование. Если в отличие от других диалектов фонологическую систему данного диалекта можно рассматривать как результат развития фонологической системы праязыка, то территория распространения диалекта может быть, по-видимому, отождествлена с территорией распространения праязыка. И, в частности, территория распространения одного из

современных славянских диалектов может быть таким образом определена как гипотетическая прародина славян, разумеется, с известным приближением (Б. Каллеман).

3. Несмотря на значительное отставание структурной семантики сравнительно с фонологией, достижения современного теоретического языкоznания позволяют начать работы по картографированию семантических микрополей (resp. микроструктур). Некоторые эмпирически полученные данные позволяют предположить, что древние семантические микроструктуры сохраняются лучше в иноязычном окружении и, следовательно, миграция не только не приводит к разрушению первичной семантической системы, но, напротив того, способствует ее сохранению. Сохранение ряда древнейших семантических микроструктур в южнославянских диалектах находит таким образом свое объяснение. Предполагается, следовательно, существование обратной зависимости между степенью сохранения фонологической и семантической систем.

Если это положение верно, то картографирование семантических микроструктур позволит выявить диалекты, носители которых остались на территории прародины или по крайней мере вблизи нее.

4. Топонимика с давних пор играла доминирующую роль в этногенетической проблематике. В этом, конечно, нет ничего удивительного, так как местные названия — самый заметный результат локализаций и миграций этнических групп. Однако до последнего времени основные принципы методики топонимического исследования оставались спорными и использование топонимического критерия для определения пространственно-временных характеристик этнической группы оказывалось сомнительным. Прежде всего неверным представляется в настоящее время положение о том, что районы наибольшего сосредоточения гидронимов определенной языковой принадлежности являются областью первоначальной локализации соответствующей этнической группы. Если территория первичной локализации славян должна была при условии непрерывной топонимической преемственности сохранять гидронимику еще дославянскую, то районы славянских миграций обретали в большей или меньшей мере славянские названия (М. Рудницкий), т. е. названия, возникшие в результате собственно славянских лексических и словообразовательных инноваций.

5. Сформулированные выше предположения следует, разумеется, рассматривать лишь как рабочие гипотезы. В качестве рабочих гипотез они должны проверяться на массовом материале путем систематического картографирования фонологических систем, семантических микроструктур (Н. И. Толстой) и создания топонимических атласов на основе методики топонимической стратиграфии.

6. Припятское Полесье с лингвогеографической точки зрения имеет большое значение для решения проблемы этногенеза славян.

В зависимости от того, какой из двух гипотез о локализации прародины славян (днепровско-припятской или висло-одрской) оказывается предпочтение, Припятское Полесье может рассматриваться либо как часть славянской прародины, либо как район первой славянской миграции. Решение этой дилеммы, очевидно, следует поставить в зависимость от создания лингвистического атласа Припятского Полесья с тремя частями (фонологической, семантической и топонимической). Лингвистический атлас мог бы оказаться сопоставимым с археологическим (Ю. В. Кухаренко).

A. E. С у н р у н

К СИСТЕМНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ

1. В лингвогеографических исследованиях, построенных на основе анализа изоглосс, предполагается, что эти изоглоссы, а значит, говоры и диалекты составляют географическую систему. При этом, однако, не учитывается в достаточной мере тот факт, что каждый из говоров, образующих лингвогеографическую систему, представляет собой лингвистическую систему (Н. И. Толстой). Изоглоссы характеризуют сплошь и рядом изолированно взятые явления. Взамен таких атомарных изоглосс полезно было бы по крайней мере в некоторых случаях изучать изоглоссы систем. Так, к примеру, целесообразно рассматривать не изолированно взятое окончание *падежа*, а всю данную деклинационную микросистему. Тогда, например, чешское *-i* и русское *-ю* в тв. п. ед. ч. слова *кость* будут не только разделять русский и чешский языки, но, поскольку они

функционально тождественны, будут и соединять их по общности деклинационного типа слова *кость*. Изолированные изоглоссы имеют смысл прежде всего тогда, когда они являются как бы знаками системных изоглосс, их представителями. Условием успешного описания системы говоров является анализ системы системных изоглосс.

2. Поскольку языковые системы целесообразно рассматривать как системы динамические, ибо язык представляет собой саморегулирующуюся автоматическую систему, элемент динамики полезно было бы учитывать и при системной интерпретации диалектных данных. В синхронном плане динамика языка проявляется прежде всего в тех колебаниях, которые сопровождают выбор одного из возможных вариантов. Языковые правила, характеризующие динамику языка, имеют не жестко детерминированный, а статистический характер. В связи с этим плодотворно введение статистических показателей в лингвогеографические описания (В. Дорошевский, П. Янчак). Нередко при интерпретации лингвогеографических данных производится как бы статистика изоглосс: наносится как можно больше изоглосс, а затем выбираются места, где эти изоглоссы становятся особенно густыми. Было бы в ряде случаев производительней воспользоваться не статистикой изоглосс, а статистическими (вероятностными) изоглоссами. Например, вместо того, чтобы нанести 50 изоглосс род. п. ед. ч. м. р. на *-у* или *-а*, можно нанести изоглоссу, указывающую на то, сколько процентов исследуемых слов имеет то или иное окончание. Это полезно как потому, что сама языковая структура имеет статистический характер, так и потому, что статистика языковых колебаний отражает их системный и динамический характер.

3. В связи с тем, что в системном плане наибольшее значение имеют, видимо, не чисто формальные, а категориальные изменения (К. Горалек), особый интерес может представить типологическое изучение диалектных грамматик. Географический аспект типологического анализа диалектов (в духе того анализа, который проведен для склонения существительных в литературных славянских языках З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной, Т. М. Николаевой, И. И. Ревзиным, Т. В. Цивьян), наложение типологических схем современных диалектов на имеющиеся у нас представления о грамматической информа-

мации праславянского языка (ср., в частности, доклад В. В. Иванова и В. Н. Топорова на V съезде славистов) способствовали бы как установлению географических вариантов праславянской грамматической системы, так и установлению некоторых черт типологии изменений, динамической типологии славянских языков. Ряд инноваций в грамматических системах славянских языков и говоров, несмотря на материальное различие, имеет типологически сходный характер, вызываемый, возможно, общими толчками, данными для возникновения этих раздельно протекающих явлений (ср. возникновение числительных как части речи, утрату двойственного числа). Таким образом, для системной интерпретации грамматических явлений лингвогеографии представляется весьма желательным типологическое сопоставление диалектных данных.

4. Системная интерпретация грамматических явлений диалектов может и должна сочетаться со структурой (в понимании этого термина по А. А. Реформатскому) и интерпретацией их. Предполагается, что плодотворным было бы сравнение системных изоглосс грамматических и, например, фонологических явлений (ср., например, перестройку системы гласных и системы склонения существительных), не говоря уже о сопоставлении морфологических и синтаксических, а также словообразовательных изоглосс. Такие структурные сопоставления могут именно на почве диалектов обнажить некоторые закономерности, прикрытые в литературных языках.

5. Системный анализ грамматических явлений славянских говоров, в частности, данных, которые будут получены при подготовке общеславянского диалектологического атласа, должен способствовать вскрытию общих и особых закономерностей эволюции славянских языков. Системное описание явлений говоров должно отражаться не только в монографических описаниях, но и в работах по сравнению говоров, в том числе — в диалектологических атласах. Такое монументальное научное предприятие как общеславянский диалектологический атлас значительно выиграло бы, если бы в нем были показаны не только системные отношения между говорами, но и именно системные отношения между системами говоров.

**О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
ПРАСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ**

Проблема реконструкции праславянского лексического фонда, поставленная рядом этимологов и специалистами широкого лингвостранного профиля, трудно разрешима без комплексного применения целого ряда рабочих методов, в первую очередь без применения типологического критерия и лингвогеографического аспекта.

Наши представления о диалектном членении праславянского языка поздней поры базируются почти исключительно на фактах фонетических и морфологических и лишь в незначительной мере и весьма неопределенно на фактах словообразовательных и лексико-семантических. Многие исследователи праславянского лексического фонда обращали основное внимание на германо-славянские, славяно-иранские и т. п. параллели, оставляя открытым вопрос о древней лексической дифференциации внутри собственно славянского. Праславянский лексический состав зачастую воспринимался недифференцированным — сознательно или как вынужденная необходимость из-за отсутствия достоверных материалов и исследований по древним лексическим изоглоссам. При этом обычно считалось, что достаточно фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду. Таким образом создавалась «словарная коллекция», численное богатство которой по различным лексическим группам («полям») во многом превосходило набор лексем в отдельных современных славянских литературных языках. При подобном подходе для праславянского языка в общем (а не для его диалектов территориально расчлененно) пришлось бы признать наличие столь богатой синонимики, какой не обладает ни один из известных нам современных литературных славянских языков, не говоря уже о конкретных диалектах (говорах), словарный запас которых численно значительно уступает словарному запасу литературных языков. Такое положение, однако, мало вероятно. Ряд серьезных затруднений

при восстановлении праславянского словарного состава возникает в тех случаях, когда при его реконструкции пользуются почти исключительно фактами литературных языков: возникают неточные представления и в отношении набора лексем, и в отношении семантического плана. Типология семантического пространства («полей», их взаимосвязей и «взаимопокрываемости») литературных языков в отношении различных комбинаторных показателей и просто максимального надъязыкового (resp. наддиалектного) набора дифференциальных признаков значительно однообразнее, чем типология диалектов. Словарный состав литературных языков по своему характеру (структуре, стилистической разноплановости, статистической соотнесенности и т. п.) существенно отличается от словарного состава диалекта (говора). Именно поэтому при реконструкции праславянского словарника следует обращаться в первую очередь к диалектному материалу, соглашаясь с представлениями А. Мейе, что словарный состав праславянщины был подобен составу литовского диалекта конца XIX в.— начала XX в.

Такое подобие нужно признать прежде всего в типологическом смысле. Типологические же модели следует строить, базируясь прежде всего на плане содержания (семантическом), обращаясь к материалу современных диалектов и устанавливая для отдельных «полей» (семантических групп) различные типы.

При этом несколько схоластический спор о преимуществе предметно-семантического или словообразовательно-генетического подхода целесообразно разрешить их комбинированным использованием, как уже предлагал О. Н. Трубачев. В рамках достаточно широкого предметно-семантического поля важно установить для всех современных славянских диалектов словообразовательно-селективные признаки корней, включающихся в поле. При этом и праславянское состояние можно будет представить, вероятно, лишь как ряд диалектно дифференцированных семантических полей («сеток») с набором (при идеальном положении и с дистрибуцией) конкретных корней и их потенциальных возможных словообразовательных моделей. Нам представляется, что такой подход крайне важен, так как все попытки реконструкции формального плана — плана выражения без обращения к плану содержания, будут обречены в конечном итоге на неудачу. Практически для лек-

сико-семантической типологии славянских диалектов следует установить индуктивным путем для отдельных «полей» (семантических групп) макро-сетку, на которую могут накладываться лексемы из отдельных диалектов. При этом будут выяснены максимальные и минимальные наборно-дистрибутивные возможности (всегда меньшие, чем показатели макро-сетки), а также взаимоисключающиеся и взаимообусловливающиеся семантические и словообразовательные отношения. Это даст также возможность предсказуемости некоторых отношений при реконструкции (ср. опыт использования современных и исторически зафиксированных фонологических систем при реконструкции дописьменного праславянского языка).

При этом следует допустить наличие ряда различных в отношении плана содержания и плана выражения территориально очерченных систем (отношений), отказавшись от очень устойчивого и несколько схоластического представления о единстве места (сколь бы оно ни было пространственным) и значения (естественно, при единстве времени) отдельных праславянских лексем.

Опыт реконструкции лексико-семантической структуры праславянских диалектов поздней поры невозможен без применения лингвогеографических методов, направленных на изучение современного славянского диалектного континуума. Однако сами эти методы должны быть усовершенствованы: применяемый до сих пор способ картографирования одиночных лексем и семем («от слова к значению» и «от значения к слову») недостаточен и мало перспективен. Необходимо картографирование типов хотя бы небольших семантических полей с определением дистрибуции лексем и их словообразовательно-деривационных возможностей.

Изложенные в докладе положения иллюстрируются примерами из семантической группы «названия деревьев и леса определенной породы деревьев» (типа: *береза*, *берёзина*, *березинá*, *березинина*, *березняк*, *березнячок* и т. п.).

СОДЕРЖАНИЕ

A. Л. Монгайт. Некоторые возможности картографирования археологических культур	3
M. B. Витов. Некоторые вопросы этнолингвистического картографирования	5
E. M. Постолов. Картографический анализ лингвистических атласов	7
Э. A. Макаев. Вопросы индоевропейской диалектологии	10
B. B. Иванов. Вопросы лингвистической географии и типологии применительно к древним индоевропейским диалектам	12
T. M. Судник, B. H. Топоров, C. M. Шур. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза (БСЛЯзС)	13
O. C. Широков. Принципы картографирования фонологических явлений (для балканских языков)	19
T. B. Цибъян. К проблеме построения лингвистического атласа балканского языкового союза	21
B. A. Никонов. Геофонетика	25
C. B. Бернштейн. Карпатский диалектологический атлас	28
B. B. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и лингвогеографическое изучение Припятского Полесья	31
A. E. Супрун. К системной интерпретации грамматических данных лингвогеографии	34
H. И. Толстый. О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов	37

Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии

Тезисы докладов

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства Г. К. Венедиктов
Технический редактор Г. А. Астафьев

Сдано в набор 25/VIII 1964 г. Подписано к печати 22/IX 1964 г.
Формат 84×108^{1/2}. Печ. л. 1,25=1,71 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 1,9.
Тираж 950 экз. Т-12261 Изд. № 4343/65. Тип. зак. № 1101.

Бесплатно

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Бесплатно